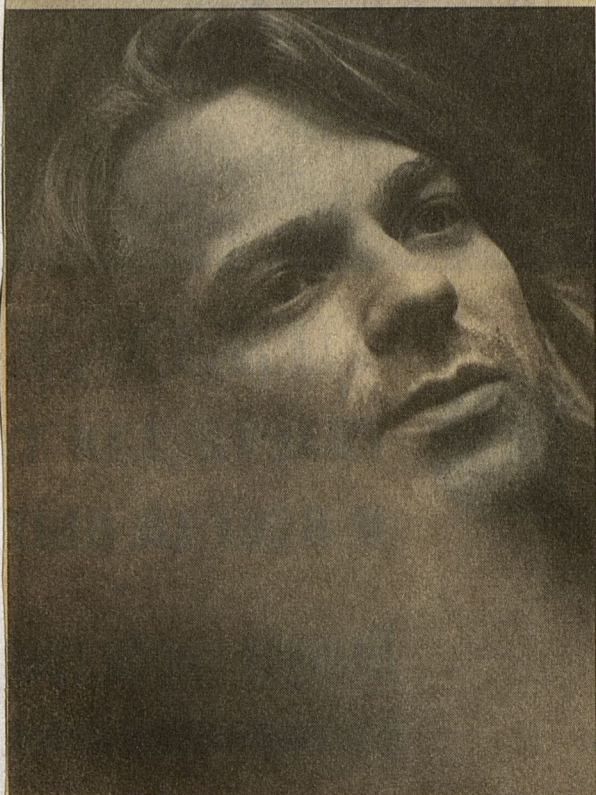

Воскресенье — 1993 — 25 марта — с. 4.

О, счастлиливчик!

29 марта Володе исполнится 25 лет

Его трудно было заставить дома. Он с Кристиной и сыном еще не имеет собственной квартиры. Ночуют то там, то здесь, как цыгане. И встретились мы с ним в Театре песни Аллы Пугачевой. Он уже нас ждал... Мы пришли поболтать с ним обо всем. Ведь мы не воспринимаем Володу только как зятя А. Б. П., как некоторые...

— Вы бы хотели, чтобы в вашем сыне — Никите — продолжилась актерская династия?
— Как получится. Меня отец не тыркал. Я ездил с ним на гастроли, все, что видел, мне нравилось.
— А чем занимается Кристина, кроме воспитания сына?
— У нее был прекрасный дебют в «Рождественских встречах». Снялась она в нескольких фильмах. В том числе с Леонидом Филатовым, но я еще не видел.

— В одном из интервью Пугачева сказала, что ее дочь как певица пока не состоялась. Ваше мнение?

— Она еще молодая. На четыре года моложе меня. Ей надо пробовать. Мне нравится ее цельный образ, а не по отдельности, когда ее рассматривают то как певицу, то как актрису. Одно время она посвятила себя Никитке, дав возможность мне заниматься работой, сейчас я хочу, чтобы было все наоборот. Никите полтора года. Он похож на моего отца, только без усов, а волосы у него рыжие.

— Алла Борисовна занимается внуком?
— Она его очень любит. И когда приезжает с гастролем, бежит сразу к нему. Иногда просто берет его с собой и говорит: «Я хочу с ним побыть одна».

— А чем занимается Пресняков-старший?
— Играет в моей группе. Скоро поедет в Америку писать вместе альбом.

— Молодежь говорит, что им нравится ваша музыка, ваши песни, но вы не такой крутой, как Богдан Титомир.

— Я не преследую такую цель.
— А кто вам нравится из иностранных групп?

— «АС/ДС». Я от нее заряжаюсь. Я хочу, к примеру, спать, а мне что-то нужно делать. Тогда слушаю «АС/ДС». Это музыка, в которой есть жизнь.

— Странно: вам нравится жесткая музыка, а сами вы исполняете другую.

— Я меняюсь. Год назад мы играли тяжелую музыку. Потом стал играть акустическую. Записал романтический альбом. Он связан был с рождением сына Никиты. Сейчас я записал с электронными делами какие-то песни. Я не сижу на месте.

— А какой вы по натуре?
— Да самому о себе говорить — последнее дело.

— Временами творческим людям приходится наступать на горло собственной песне...

— Песня «Стюардесса по имени Жанна» очень быстро подскочила вверх, я даже не ожидал этого. Она стала хитом. И мне нужно удержаться, чтобы та музыка, которую я играл, более сложная, не ушла. Мне нужно удерживать ее после этой примитивной песни.

— Довольны вы собой?
— Нет. Если артист доволен, значит, он не жилец на сцене.

— А чего вы боитесь?
— Любви...

— А как вы любите отдыхать?
— С друзьями. Я был в Лондоне месяца три, записывался на английский язык.

— Перед этим три месяца учился в английской школе. Я еле смог этот срок выдержать.

— А какая музыка нравится: американская или английская?
— Гармоничная.

— Вы считаете: у вас сейчас пик популярности или оплодотворения?
— Не думаю. Достаточно того, что на моих концертах полные залы.

— Вы способны обмануть женщину?

— Странный вопрос. Я сейчас сориентируюсь... Жизнь полна неожиданностей.

— Вам легче быть на людях или наоборот затеряться в толпе?

— Когда как. Иногда хочется в лесу побродить одному. Это бывает обычно на гастролях, когда мы живем в домике в лесу.

— А у вас есть любимый писатель?
— Булгаков.

— Считается, что эстрады у нас как таковой нет, но, наверное, есть что-то самобытное?

— Конечно, есть. Мы пока ищем. Это все не превратилось в прямое зарабатывание денег, как на Западе. С одной стороны, это непрофессионально, с другой — замечательно.

— У вас есть машина?
— «Девятка». Другую украли.

— Какие вам фильмы нравятся?
— Классические. Я себя поймал на мысли, что я человек из своего детства, даже из того, про которое мне рассказывал мой отец, — времен «А я иду, шагаю по Москве». Мне нравятся фильмы Гайдая — старые. «Крестный отец» Копполы.

— За что вы любите свою тещу?
— Мы еще не женаты с Кристиной. Алла — это женщина, которая является как бы эталоном. Я буду у нее еще многому учиться.

— Почему вы не расписаны с Кристиной?
— У нас свобода. Когда мы будем скреплены печатями, она уйдет.

— А как к этому относятся ваши родители?
— Нормально.

— А где вы живете?
— У моих родителей. У меня еще нет дома.

— Бывает так, что и у Аллы. Мы как цыгане. Я люблю такую жизнь.

— Вы о себе в прессе плохое читали?
— Да. И с удовольствием. Это реклама. И дополнительные очки. Иногда даже по делу.

— Какая газета особенно отличается?
— Провокационный вопрос... Могу сказать, какая нравится — без лести. «Джокер», например.

— Какое ваше любимое число?
— Первый.

— Вы хорошо учились?
— Нет. Я доводил учителей. У меня были длинные волосы. То, что родители работали в «Самосветах», кого-то цепляло. Отношение было такое по тем временам: «Ну что, сынок, на балабалах твои родители играют?» Я всегда дрался за родителей. У меня был потрясающий педагог — Злобинская Ирина Дмитриевна, я не знаю, как отдать ей дань, но могу ее найти. Это был ужасный возраст, когда мальчик превращался в мужчину, а хулиганил, курил... Родители часто уезжали. Я оставался дома один, делал сам яичницу. Она, как мать родная, меня таскала за собой. Заставляла меня ездить в другой город, учить соль-феджио. Я ненавидел ее, а теперь понимаю,

что это был настоящий учитель в моей жизни.

— А почему вы стали петь фальцетом?
— Я подумал: почему все поют так одинаково. Мизинцем никто не играет, а мизинец такой же палец, как остальные. У каждого человека есть фальцет. У мужчин тоже.

— А вам нравится Майкл Джексон?
— Раньше. А теперь Принц. Он похотел.

— Кто ваш любимый актер?
— Дасти ХOFFман. Аль Пачино.

— Если бы вас позвали сниматься в «Метро Голдвин Майер», у какого бы режиссера вы захотели сниматься?

— Да с распростертыми руками навстречу любому бы побежал. Забыл бы обо всем на свете, если бы Никита Михалков позвал. Быков, Рязанов... Я снялся в фильме «Она с метлой и в черной шляпе». Как увидел себя, так и возненавидел. Ничего актерского там не было. Я бы с удовольствием «отдался» режиссеру, который бы нянчил меня.

— А как вы относитесь к тому, что наши артисты сейчас в Америке выступают в ресторанах?

— К ресторации я отношусь неплохо. Если хороший ресторан, то люди там умеют слушать. Звезды существуют для того, чтобы люди отдыхали...

— А вы ощущаете себя звездой?
— Я уже заслужил кой-какие лавры в этой стране.

— А в каком ресторане Москвы вы бы хотели петь?

— В Москве сложно. Есть страшный закон: когда даешь какие-то бесплатные концерты, зрители носом крутят. Если завышаешь цену на билеты по 30 тысяч на презентациях, люди, которые заплатили эти деньги, по-другому тебя воспринимают. Так что «шару» я очень боюсь. Я теперь не могу на «шару». Потому что за каждую халаву надо платить.

— А вы жестокий человек?
— Нет. Но жестким бываю.

— У нас без связей можно пробиться?
— Сложно, но если по-настоящему захотеть, то можно.

— У вас есть любимая песня?
— «Странник».

— Как вы стали артистом?
— Это получилось спонтанно. Пел с «Круизом». Работал с Лаймой в кабаке. Не думал лезть на сцену. Просто шло дело. Так же было и с Димой Маликовым. Или вот Федя Бондарчук, сейчас он делает лучшие видеоклипы. Всю жизнь был с отцом. Когда делают звезд искусственно, это на неделю, на час. Потом она гаснет, и артист становится несчастным человеком.

— Вы счастливый человек?
— А как вы думаете?

Григорий РЕЗАНОВ,
Татьяна ХОРОШИЛОВА.
Фото Сергея КУЗНЕЦОВА.